© 2021. А. Н. Ратников

Московский государственный областной университет,
г. Мытищи, Россия

Суворовский цикл од в батальной лирике Г. Р. Державина

Аннотация: В статье анализируются батальные оды Г. Р. Державина, осмысляется общая концепция суворовского цикла, его тематическое своеобразие, проблематика и идейный пафос с точки зрения влияния исторического контекста на репрезентацию образа Суворова. Исследуется художественное воплощение реальных исторических черт Суворова, отраженных в корпусе произведений батального цикла в виде собирательного образа. Облик знаменитого полководца реконструируется по результатам изучения батальных од, в которых присутствует его упоминание, а также на основании анализа оды «На взятие Измаила», где он подразумевается. Оды «На взятие Измаила», «На взятие Варшавы», «Орел», «На победы в Италии», а также «На переход Альпийских гор» предлагается рассматривать как цикл батальных од, основанный на тематическом сходстве и соотношениях в изображении объекта описания. В работе исследуются способы раскрытия поэтического образа Суворова посредством различных приемов.

Ключевые слова: классицизм, окказиональная лирика, батальная ода, Г. Р. Державин, А. В. Суворов, цикл, художественное единство.

Информация об авторе: Александр Николаевич Ратников, аспирант, Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, д. 24, 141014 Московская обл., г. Мытищи, Россия.

E-mail: ratnikoff.alex@gmail.com

Дата поступления статьи: 17.10.2020

Дата одобрения статьи рецензентами: 28.01.2021

Дата публикации статьи: 22.03.2021

Для цитирования: Ратников А. Н. Суворовский цикл од в батальной лирике Г. Р. Державина // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 24–39.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-24-39>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 24–39. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 24–39. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Alexander N. Ratnikov
Moscow Region State University
Mytishchi, Russia

Suvorov Cycle of Odes in the Battle Lyrics of Gavriil Derzhavin

Abstract: The article analyzes G. Derzhavin's battle odes, comprehends the general concept of the Suvorov cycle, its thematic originality, problematics and ideological pathos from the point of view of the influence of the historical context on the representation of the image of Suvorov. The article examines the artistic reflection of the real historical features of Suvorov, reflected in the body of works of the battle cycle in the form of a collective image. The author of the article reconstructs the image of the famous commander, represented by the poet, based on the results of studying the battle odes in which he is mentioned, as well as on the analysis of the ode "On the Capture of Izmail," where he is implied. Odes "On the capture of Izmail," "On the Capture of Warsaw," "The Eagle," "On Victories in Italy," and "On the Crossing of the Alps" are suggested to be considered as a cycle of battle odes based on thematic similarities and correlations in the depiction of the object. The paper also considers the method of revealing the poetic image of Suvorov through the method of comparison.

Keywords: classicism, battle ode, occasional lyrics, G. Derzhavin, A. Suvorov.

Information about the author: Alexander N. Ratnikov, Post-Graduate Student, Moscow Region State University, st. Vera Voloshina 24, 141014 Moscow region, Mytishchi, Russia.

E-mail: ratnikoff.alex@gmail.com

Received: October 17, 2020

Approved after reviewing: January 28, 2021

Published: March 22, 2021

For citation: Ratnikov, A. N. "Suvorov's Cycle of Odes in the Battle Lyrics of Gavriil Derzhavin." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 24–39. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-24-39>

Взаимоотношения Г. Р. Державина и А. В. Суворова в отечественном литературоведении на протяжении сотен лет становились объектом для исследований. Внимание данной теме уделяли Я. К. Грот, В. Ф. Ходасевич, А. В. Западов, положившие начало научному пониманию творческого осмысления Державиным суворовской темы. Не угасает интерес к образу Суворова в поэзии Державина и в настоящее время. Приведем лишь некоторые исследования, в которых с разных точек зрения рассматривается указанная выше проблема, — это работы С. А. Щеглова, Д. В. Ларкович, А. А. Замостьянова, О. А. Крашенинниковой, Е. В. Никольского, Г. В. Ситниковой. В данной статье будет рассмотрена проблема державинской репрезентации образа Суворова, выстроенной посредством интеграции образа полководца в мировой исторический дискурс на материалах од «На взятие Измаила» (1790–1791), «На взятие Варшавы» (1794), «На победы в Италии» (1799), «Орел» (1799) а также «На переход Альпийских гор» (1799), объединяемых в единый корпус батальных произведений.

Высшим предназначением любого полководца или вельможи Г. Р. Державин видел служение Родине, народу. По его мнению, государственный деятель должен приносить своей стране пользу, отдавать все свои силы труду на благо Отечества. Мнение Державина на этот счет отражено в стихотворении «Философы трезвый и пьяный»:

Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена беречь —
Священна должность храбрым быть! [Державин 1: 262].

Поскольку идейный пафос, который передает данная идеологема, чрезвычайно важен для Державина, а Суворов в понимании Держави-

на становится живым воплощением подобных идеальных свойств¹, то образ Суворова в батальной лирике поэта является элементом, вбирающим в себя весь спектр высоких патриотических чувств и положительных качеств.

По доблести — царям сокровный,
По верности — престолов щит,
По вере — камень царств угольный,
Вождь — знаньем бранным знаменит,
В котором мудрость с добротою,
Терпенье, храбрость с быстротою
Вместились всех изящных душ! [Державин 2: 296–297].

Фигура Суворова в батальных одах Державина предстает собирательным образом идеального полководца. Образ Суворова в системе мировоззренческих ориентиров Державина важен настолько, что появляется и в одах, посвященных другим государственным деятелям, созданных в то время, когда сам Суворов находится в опале и вышел уже в вынужденную отставку. Примером может быть ода «На возвращение графа Зубова из Персии»:

Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазуре
Еще горит его звезда [Державин 2, 36].

Репрезентируя поэтический образ Суворова, Державин преследует дидактические и пропагандистские цели. Представление о Суворове, по мнению поэта, должно воспитывать подрастающее поколение, наставлять будущих защитников Отечества в духе самопожертвования и честного служения. Державин встраивает образ Суворова в мировой исторический дискурс, используя образы других известных историче-

¹ История взаимоотношений Г. Р. Державина и А. В. Суворова подробно описана в фундаментальных трудах Я. К. Грота, а эволюция эстетической позиции Державина по отношению к поэтическому образу Суворова рассмотрена Д. В. Ларковичем в статье «Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя» [Ларкович].

ских личностей, с которыми сравнивает жизнь и деятельность Суворова. Скорее всего, необходимость в подобном репрезентативном воспроизведении возникает в связи с тем, что Суворов также становится отрицательным символом для идейно-политических и военных противников России. В современной Суворову враждебной пропаганде его образ наделяется негативными гиперболизированными чертами, которые используются, чтобы очернить одержанные с его помощью победы и настроить против него граждан своей страны. Аналитический обзор фактов отрицательной репрезентации образа Суворова изложен в статье Г. В. Ситниковой «А. В. Суворов глазами друзей и недругов [Ситникова].

Державин создает систему исторических образов, в которую интегрирует образ Суворова, вписывает полководца в контекст мирового исторического процесса, а сам становится как бы «летописцем новой истории». Эта отраженная от реальной история, воздействуя на читателей, придает реальному Суворову больший авторитет и монументальность, свойственную тем историческим личностям, с которыми его образ взаимодействует. Несомненно, что помимо исторических личностей в батальных одах «...содержание образа Суворова по-прежнему выражено посредством ряда устойчивых мифориторических номинаций (“северный Орел”, “Алкид”, “Геркулес российский”, “Александр Македонский” и др.), стимулирующих его масштабность, акцентирующих внеисторическую ценность и выводящих на уровень символического обобщения» [Ларкович: 71], что не отменяет наличие за одной и той же номинацией, вроде «Александра Македонского», реально существовавшую историческую личность. Образ Александра Македонского помимо мифориторической составляющей также несет в себе историческую, являющуюся объектом исследования в данной статье. Исторический уровень воздействует на читателя, заставляя иначе воспринимать соседние с ним образы.

Первой одой в суворовском цикле батальной лирики следует считать оду «На взятие Измаила». Взятие Измаила стало важным политическим событием, произвело сильнейшее впечатление на турок и европейские народы. В донесении из Валахии 2 января 1791 г. было отмечено: «Турки в задунайских местах взятием Измаила приведены в *крайнее недоумение*, и с голландским министром... рассуждали об опасности их, дабы запорожцы российские не учинили на них нападе-

ния»¹. Одержанная Суворовым победа была грандиозна, но в оде «На взятие Измаила» Державин ни разу не назвал его имени. Все лавры от победы достались Потемкину. Политическая конъюнктура не позволила Г. Р. Державину отметить по достоинству заслуги Суворова, который не присутствует в произведении явно: центральным образом оды является Росс — обобщающий символ русского солдата.

О Росс! О род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
...
О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс! [Державин 1: 342, 354].

В произведении есть упоминание командующего россами, названного «вождем». А. В. Западов пишет, что «Державин имеет в виду Г. А. Потемкина» [Западов: 395], но А. И. Кузьмин в книге «Героическая тема в русской литературе» отмечает, что под «вождем» Державин завуалировано упоминает того, кто командовал осадой крепости — Суворова: «Державин не мог назвать даже имени Суворова, полководец фигурирует под именем “Вождь”» [Кузьмин: 84]. Однако если при исследовании батальных од Г. Р. Державина исходить из положения, что все произведения представляют собой единый цикл, объединенный идейным содержанием, отсутствие в оде «На взятие Измаила» эксплицитно выраженного образа Суворова следует отнести к частному варианту инвариантной модели батальной оды Державина, диалектическое единство которой обеспечивается тем, что указанный элемент «подтверждается» другими элементами системы батальной оды [Лотман: 43]. Так как образ Суворова находится за скобками повествования, акцент в оде «На взятие Измаила» смещается на образ Росса, который позднее, в оде «На переход Альпийских гор», будет рядом с образом Суворова. Этот и другие вышеизложенные факты позволяют поставить данную батальную оду в один ряд с одами «На взятие Варшавы», «На победы в Италии», «Орел» и «На переход Альпийских гор».

¹ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 89–90.

Думается, сам Суворов был обманут в своих ожиданиях, но тем не менее удостоен звания подполковника лейб-гвардии Преображенского полка. А по ходатайству Потемкина был произведен выпуск памятной медали с изображением Суворова.

Исторический дискурс в оде «На взятие Измаила» создается рассуждениями Державина на тему роли России в мировом историческом процессе, мыслями о силе духа страны, способной, преодолев феодальную раздробленность и гнет татаро-монгольского ига, преобразиться и занять одно из ведущих положений на мировой арене. Основную роль в возрождении и расцвете страны Державин отводит собирательному образу Росса, который вбирает в себя и вождя, и народ:

Я вижу страшную годину:
Его три века держит сон,
Простертую под ним долину
Покрывл везде колючий терн;
...
Он спит — и несекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
...
Восстал! как утром холм высокой
Встает, подъямляся челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкруг его, и, гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел — и кто возмог против?
...
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил [Державин 1: 350–353].

Далее образ Росса интегрируется в систему, состоящую из образов реальных исторических личностей — Олега и Ольги, тем самым становится новым субъектом истории. Так создается не только новаторская

трактовка современного исторического процесса, но и устанавливается цель для будущих завоеваний — поход на Константинополь:

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет?
Иль россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахеян спасть, агарян стерть? —
Я слышу, громы ударяют,
Пророки, камни возглашают:
То будет ныне или впредь! [Державин 1: 356].

Следующий повод утвердить в лирике новые исторические завоевания России возникает в 1794 г. с Варшавским походом Суворова. Тему влияния выдающейся личности Суворова на историю Державин затрагивает в оде «На взятие Варшавы». В личной переписке Державин писал Суворову: «Преисполнен будучи истинной любви к отечеству, почтения ко всему тому, что называется мужество или доблесть, уважения к громкой славе Россиян, обожания великому духу нашей Государыни, беру смелость поздравить В<аше> С<иятельство> и сотрудников Ваших с толико знаменитыми и быстрыми победами. Ежели бы я был пиит, обильный такими дарованиями, которые могут что-либо прибавлять к громкости дел и имени героев, то я бы Вас избрал моим и начал песнь таким образом...» [Державин 6: 19]. Далее Державин написал четверостишие, позднее полностью вошедшее в оду «На взятие Варшавы»:

Пошел — и где тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразил:
Поля и грады — стали гробы!
Шагнул — и царство покорил [Державин 2: 636].

Образ Суворова в оде «На взятие Варшавы» полон гиперболизированных черт, это образ былинного богатыря, мифологического героя:

Вихрь полуночный, летит богатырь

...

Молнии от взоров бегут впереди,

Дубы грядою лежат позади.

Ступит на горы — горы трещат,

Ляжет на воды — воды кипят,

Граду коснется — град упадает,

Башни рукою за облак кидает

...

Ты ль — Геркулес наш новый, полночный [Державин 2: 642].

Данную особенность образа Суворова в оде «На взятие Варшавы» отмечали многие исследователи: А. В. Западов в работе «Поэты XVIII века» [Западов: 170–180], Е. В. Никольский в статье «Героическая трактовка образа А. В. Суворова в творчестве Державина» [Никольский], а также Г. В. Ситникова в статье «Суворов глазами друзей и недругов» [Ситникова].

На уровне реальных исторических сравнений Державин с самых первых строк уподобляет Суворова с великим полководцем древности — Александром Македонским.

Полсвета очертил блистающий ваш меч;

И славы гром,

Как шум морей, как гул воздушных споров,

Из дола в дол, с холма на холм,

Из дебри в дебрь, от рода в род,

Прокатится, пройдет,

Промчится, прозвучит

И в вечность возвестит,

Кто был Суворов:

По браням — Александр, по доблести — стоик,

В себе их совместил и в обоих велик [Державин 1: 641].

Сравнение с Македонским встречается так же в оде «Орел»:

Соименитому герою
Подобно, ты рождён судьбою
Коварства узел рассеци [Державин 2: 241].

В 1799 г. Суворов принял командование русско-австрийской армии и провел удачную военную кампанию против французов, захвативших Италию. В оде «На победы в Италии», написанной по этому случаю, Г. Р. Державин снова формирует образ Суворова при помощи отсылки к реальным историческим персонажам, на этот раз через сконструированный им образ Рюрика. В основу оды положен победоносный поход варягов во Францию, историческая достоверность которого крайне сомнительна [Державин 2: 273], однако очевидно, что Державин использует выдуманные варяжские победы над французами с целью создания исторической параллели между князем Рюриком и Суворовым, чем порождает историческую преемственность двух образов и создает победоносную традицию русского оружия в своей оде.

Кто, на копье склоняясь главою,
Событие слушает времен? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских твердость стен? [Державин 2: 273].
...
Так он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед
И перстом долу показывает
На росса, что по нем идет [Державин 2: 273–274].

Данная система образов в восприятии читателя дополняется тем, что отсылает к реальному историческому Рюрику, государственному деятелю мирового масштаба, который согласно норманской теории повлиял на историческое становление России. В один ряд с ним ставит Державин своего Суворова, образ которого в очередной раз в творчестве поэта поражает своим аскетизмом, грандиозностью одержанных побед и огромной силой, сравнимой с масштабными природными явлениями — бурей и девятым валом:

«Се мой, — гласит он, — воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах,
Звезда, прешедша мира тропы,
Который след огня черты,
Меч Павлов, щит царей Европы,
Князь славы!» — Се, Суворов, ты! [Державин 2: 274].

Таким образом, мы можем наблюдать влияние реальных дел Суворова и его биографии на то, каким образом предстает его образ в художественном произведении. Державин отмечает значимые черты истинного государственного деятеля, причем как черты личностные (аскетизм, вера в Бога, решительность), так и черты, связанные с профессией и положением в обществе (самоотверженное служение государству, честное выполнение своих обязанностей), и, используя гиперболизированные образы, высвечивает эти черты перед читателем. Когда Суворов подвергается гонениям со стороны государства в лице монарха Павла I, это обстоятельство находит отражение в творчестве Державина как событие совершенно недопустимое, что подтверждает последовательность позиции Державина. И точно так же в его творчестве представлено возвращение Суворова на государственную службу, которое оценивается поэтом с восторгом как восстановление справедливости:

Сбылось пророчество, сбылось!
Луч, воссиявший из-под спуда,
Герой мой вновь свой лавр вознес! [Державин 2: 275].

Подобный подход к построению образа Суворова следует проиллюстрировать на примере еще одного произведения — «На переход Альпийских гор». В оде отражено важное историческое событие, русское войско во главе с Суворовым совершило невозможное: солдаты и офицеры перешли через Альпы в страшнейших условиях, а после этого похода разгромили французские войска.

В оде «На переход Альпийских гор» Державин не просто ставит образ Суворова в один ряд с образами Ганнибала, Юлия Цесаря и Евгения Савойского, а возвышает его над ними:

Из мраков встают Стигийских
Евгений, Цесарь, Ганнибал;
Проход чрез Альпы войск российских
Их души славой обуял.
«Кто, кто», — вещают с удивленьем, —
«С такою смелостью, стремленьем
Прешел против природы сил
И вражьих тьмы поправ затворов?
Кто больше нас?» — Твой блеск, Суворов,
Главы их долу преклонил [Державин 2: 292–293].

Суворов — реальный человек, которого автор хорошо знал, поэтому идеальный образ Суворова в одах опирается на его настоящие биографические черты, которые Державин художественно преобразил в своих произведениях, чтобы с наибольшей яркостью воплотить необходимые для художественного замысла черты полководца. Черты эти важны для правильного раскрытия образа, поскольку Державин в своих одах утверждает, что именно эти качества и возвысили Суворова над другими полководцами, поэтому поэт, репрезентируя образ Суворова, использует прием исторических сравнений.

Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай;
Цня их истиной священной,
С Суворовым соображай.
Ты зришь: тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий;
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни послан был на брани,
Пришел, увидел, победил [Державин 2: 293].

Отмечая оценку Державиным личности Суворова в истории как исключительную для всего мирового исторического процесса, следует упомянуть, что одна из важнейших реальных исторических функций Суворова как полководца состояла в том, чтобы остановить наметившуюся тенденцию буржуазных революций в Европе. Державин высоко

почитал монархию как государственный строй, идея воплотившейся в монархии высшей божественной справедливости на земле входит в идейно-мировоззренческую концепцию поэта в качестве одного из основных элементов.

Вам видим бег светил небесных:
Не правит ли им ум один?
В словесных тварях, бессловесных,
У всех есть вождь, иль господин:
Стихий разность — разнострастье,
Верховный ум — их всех согласие,
Монарша цепь есть цепь сердец.
Царь — мнений связь, всех действий причина,
И кротка власть отца едина —
Живого Бога образец [Державин 2: 295].

Соответственно, сила, противостоящая монархии, Державиным относится к крайне негативным явлениям, осуждается, ей присваиваются отрицательные определения «крамола», «гидра» и ряд других. Люди, замешанные в делах революции, предстают участвующими в делах зла, руководимые силами ада, а противостояние монархии и революции нарекается «спором ада с небесами».

Вам предоставлено судьбами
Решить спор ада с небесами:
Собщать ли солнцу блеск звездам,
Законам естества ль встать новым,
Стоять ли алтарям Христовым,
И быть или не быть царям? [Державин 2: 295].

Однако важно особо отметить, что, согласно взглядам Державина, монарх должен обладать важными положительными чертами, соответствовать идеальному образу. Такими чертами обладал, по мнению поэта, Суворов: его образ превозносится поэтом и гиперболизируется. Державин упоминает, что Суворов «царям сокровный», т. е. в полной мере представляет монархию. Реальный Суворов соответствует убеждениям Державина, поэтому его образ становится не просто частью

политического манифеста, а идеалом. Батальные оды Г. Р. Державина, в которых идейным центром является образ Суворова, наполнены искренним восхищением со стороны автора. Это авторское отношение сформировано действительно выдающейся личностью человека, который внес огромный вклад в дело становления воинской славы российского оружия. Таким образом, посредством приема сравнения Г. Р. Державин гиперболизирует образ Суворова, чем превозносит его и делает образцом для подражания. Проанализировав оды «На взятие Измаила», «На взятие Варшавы», «Орел», «На победы в Италии» и «На переход Альпийских гор» с точки зрения влияния реальной личности на формирование художественного произведения, мы пришли к выводу, что огромную роль в этом процессе играет личность автора. Поэт зачастую придает образу исторического лица элементы своей субъективной оценки, увеличивает дистанцию между реальностью и миром художественного произведения. Не ставя задачи максимального приближения к реальности, автор тем не менее создает определенный угол зрения на личность Суворова, формируя особое представление об этом человеке среди современников и потомков.

Список литературы

Источники

Державин Г. Р. Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864–1883. Т. I–IX.

Суворов А. В. Письма / изд. подгот. В. С. Лопатин; отв. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1986. 808 с.

Исследования

Западов А. В. Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин. М.: МГУ, 1979. 311 с.

Западов В. А. Комментарий: Державин. На взятие Измаила // Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 170–180.

Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1974. 304 с.

Ларкович Д. В. Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя // Русская литература. 2010. № 3. С. 62–73.

Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.

Никольский Е. В. Героическая трактовка образа А. В. Суворова в творчестве Державина // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2014. С. 180–185.

Ситникова Г. В. А. В. Суворов глазами друзей и недругов // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: материалы V Международной научной конференции. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 86–90.

References

Zapadov, V. A. *Poety XVIII veka: M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin [Poets of the 18th Century: M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1957, pp. 170–180. (In Russ.)

Zapadov, V. A. “Kommentarii: Derzhavin. Na vziatie Izmaila” [“Commentary: Derzhavin. On the Capture of Izmail”]. Derzhavin, G. R. *Stikhotvoreniia [Poems]*. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957, pp. 170–180. (In Russ.)

Kuz'min, A. I. *Geroicheskaia tema v russkoi literature [Heroic Theme in Russian Literature]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 304 p. (In Russ.)

Larkovich, D. V. “Derzhavin i Suvorov: tvorcheskoe vzaimodeistvie avtora i geroia” [“Derzhavin and Suvorov: Creative Interaction between the Author and the Hero”]. *Russkaia literatura*, 2010, no. 3, pp. 62–73. (In Russ.)

Lotman, Ju. M. *Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of the Poetic Text]*. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972. 271 p. (In Russ.)

Nikol'skii, E. V. “Geroicheskaia traktovka obraza A. V. Suvorova v tvorchestve Derzhavina” [“Heroic Interpretation of the Image of A. V. Suvorov in Derzhavin's Works”]. *G. R. Derzhavin i dialektika kul'tur: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [G. R. Derzhavin and the Dialectics of Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference]*. Kazan', Kazan Federal University Publ., 2014, pp. 180–185. (In Russ.)

Sitnikova, G. V. “A. V. Suvorov glazami druzei i nedrugov” [“Alexander Suvorov as Seen by Friends and Foes”]. *Rossiiskaia gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozitatelei: IX–XXI vv.: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Russian Statehood in Persons and Fates of its Creators: 9–21 Centuries: Materials of the 5th International Scientific Conference]*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shanskiy Publ., 2017, pp. 86–90. (In Russ.)

Suvorov, A. V. *Pis'ma [Letters]*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 808 p. (In Russ.)